

Тянь Вэнь ещё раньше видел, как Тянь Яо толкает Юй Яна в сторону книжной лавки. Увидев это кресло-коляску, он чуть зубами не скрипнул от злости. Он расспрашивал своих соучеников и выяснил, что такая коляска стоит по меньшей мере десять лян серебра. За десять лян серебра что угодно можно купить, а не тратить их на эту бесполезную игрушку для калеки.

А когда он услышал, как они мелочно торгуются с хозяином, ему показалось, что Тянь Яо просто оскорбляет их учёное благородство.

Тянь Яо нахмурился, глядя на него. Под толстым стёганым жилетом на нём всё ещё был его длинный халат — символ учёного звания. Как же он не замёрз насмерть в такой холод?

— Где ты набрался таких грубых слов? Вот как — не стало твоего отца, и ты распоясался. Я должен...

— Тянь Вэнь, у тебя что, с головой неладно? — Тянь Яо действительно не понимал, почему его семья никак не оставит его в покое. Они даже в одной деревне не живут, а всё равно лезут. — Чему я научился — моё дело. Мой муж ничего не сказал, а ты кто такой?

Тянь Яо толкнул коляску дальше и сказал на ходу:

— Вот привязался.

Юй Ян накрыл своей рукой руку Тянь Яо, и тот остановился. Тогда Юй Ян сам развернул кресло-коляску. Он спокойно, без тени какого-либо чувства, посмотрел на Тянь Вэня:

— Прошу прощения, но «книжный аромат», о котором вы говорите, — это не что иное, как кисть, тушь, бумага и тушечница. Все эти четыре предмета имеют цену, которую можно измерить в «медном запахе». Даже самые дорогие бумажные листы с узором из золотой сливы в Шэнцзине стоят пятьсот монет за лист. В конечном счёте всё определяет цена — этот самый «медный запах». Так откуда же берётся деление на благородное и низкое?

Тянь Яо, глядя на вытянувшееся лицо Тянь Вэня, добросердечно добавил:

— И на тебе тоже есть «медные» вещи. Может, отдашь их мне? Чтобы твой книжный аромат не страдал?

Хозяин лавки, прикрыв рот рукой, согнулся от смеха, но потом сразу посерьёзней и, глядя на Тянь Вэня, сказал:

— Прошу прощения, молодой господин, в нашей лавке в долг не дают.

Выйдя из лавки, Тянь Яо смеялся так, что не мог выпрямиться:

— Как ты думаешь, он совсем умом тронулся от этих книг?

Юй Ян тоже улыбнулся. По виду Тянь Вэня и правда было заметно, что он не совсем здоров.

Купив бумагу и кисти, они зашли за печеньем, а потом в бумажную лавку — купить несколько листов красной бумаги. Эта красная бумага специально используется для парных надписей. Она была не такого хорошего качества, как та, которую они купили, — на ней даже сор иногда попадался. Но красный цвет был яркий, так что они купили несколько штук. Если никто не придёт к ним просить написать иероглифы, Тянь Яо решил оклеить ими свою комнату.

Когда они подошли к месту, где стояла повозка с волом, староста уже ждал их там. Тянь Яо и Юй Ян забрались в повозку и поехали обратно в деревню.

Правил повозкой Тянь Дачжуан. Староста, увидев у Юй Яна на коленях бумагу и кисти, поднял бровь:

— Зачем купили?

Тянь Яо, конечно, не упустил такой возможности:

— Юй Ян умеет писать! Так что парные надписи в этом году напишет он. А дома ему всё равно делать нечего — пусть потренируется.

Староста не ожидал, что Тянь Яо будет так о нём заботиться. Но, глядя на коляску, он подумал, что покупка бумаги и кистей — это ещё мелочи.

— Тогда и мне напиши несколько пар. Каждый год покупаем одни и те же — в этом году пусть будут другие.

Тянь Яо тут же закивал с такой готовностью, что казалось, голова отвалится:

— Хорошо-хорошо, как вернёмся — сразу напишем.

Он говорил и косился на Юй Яна. Тот лишь слегка кивнул.

Вернувшись в деревню, Тянь Яо отказался от предложения старосты подвезти их на повозке. Он сам повёз Юй Яна по деревенской тропинке.

Все поля вокруг были голыми. В деревне Хуайлин было слишком холодно. Земля промёрзла, в это время года ничего не вырастишь.

Деревья вдалеке тоже стояли голыми. Тянь Яо вздохнул. В Хуайлине много деревьев хуай*. Весной от цветов хуай идет такой аромат! И взрослые, и дети в деревне ходили собирать эти цветы, делали из них лепёшки и пампушки — как ни приготовь, всё вкусно.

Раньше он сам их почти не готовил — тётушка Шунь всегда делала лишнюю порцию для него. А в этом году, наверное, придётся самому. Интересно, пробовал ли Юй Ян такое?

— В Юаньцанфу зимой почти не бывает снега, — сказал Юй Ян, глядя на замёрзшую землю.

— Не бывает снега? Разве есть места, где не идёт снег? — Тянь Яо родился и вырос в Хуайлине. Дальше всего, куда он забирался, был посёлок. Даже в уездный город Сисиньфу, где находился Хуайлин, он ни разу не ездил.

— Есть ещё много мест. Например, Юньнаньфу, где круглый год как весна. И Линнаньфу, где даже зимой можно ходить с голым торсом. Тянь Яо, этот мир очень большой.

Если бы ноги Юй Яна не пострадали, если бы в его семье не случилось беды, он, наверное, объехал бы все эти места, о которых говорил.

Тянь Яо в обычной жизни не был очень осторожным человеком. Но сейчас, держа в руках бумагу и кисти, он вдруг стал необычайно робок. Особенно когда смотрел на белый лист бумаги — он боялся дотронуться до него, как бы не испачкать. Он осторожно положил бумагу, словно это был раскалённый уголёк, и только тогда сказал Юй Яну:

— Если хочешь писать — пиши. Бумага кончится — ещё купим.

Он поспешно убежал на кухню готовить. Юй Ян остался сидеть перед кистями и тушью, уставившись в одну точку.

Раньше в его кабинете всегда было чисто и светло. Там всегда горели сандаловые палочки, и книги, напечатанные старинным способом, тоже источали приятный запах. Его тушь тоже была ароматной, из подношений. Эти несколько ароматов смешивались, и казалось, что только так можно успокоиться.

А сейчас, хотя и был полдень, в комнате было сумрачно. Сырости не было, только из кухни доносился слабый запах риса — Тянь Яо, наверное, варил кашу.

Раньше он думал, что писать можно только в тишине, в одиночестве. А сейчас рядом с ним пытит Пепел, слышно, как Тянь Яо зачерпывает воду в кухне, а когда Пепел к нему пристаёт — он вздыхает с досадой.

Юй Ян взял тушь и медленно потёр её о тушечницу. Потом обмакнул кисть. Но кисть замерла в воздухе — он никак не мог опустить её на бумагу. Возможность писать сидя — казалось, это было очень-очень давно.

Тянь Яо, поставив кашу вариться, заглянул в комнату — посмотреть, как у Юй Яна дела. Но увидел, что бумага, которую он приготовил для него, по-прежнему чиста. Юй Ян сидел, уставившись в одну точку, и не написал ни одного иероглифа.

Тянь Яо подошёл к нему, подумал — может, в комнате слишком темно?

— В комнате темно? Может, лампу зажечь?

— Не надо.

Тянь Яо почти сразу понял. Когда маленький папочка умер, он тоже некоторое время боялся спать у себя дома. В комнате было темно и тихо. Поэтому он тогда жил у тётушки Шунь.

Юй Яну сейчас, наверное, так же. Тянь Яо не знал, как это называется на учёном языке. Но он мог понять.

Он легонько похлопал Юй Яна по плечу и оставил его одного.

Юй Ян снова обмакнул кисть в тушь. На белой бумаге появилась чёрная точка. Он снова поднял кисть, его запястье чуть качнулось, и вокруг только что поставленной точки появились ещё мелкие капли.

Во дворе Тянь Яо возился с Пеплом. Он позвал его за собой — нужно было сходить в погреб за овощами. Пепел забежал в комнату, обежал вокруг Юй Яна, лизнул его руку и только тогда убежал за Тянь Яо.

Юй Ян наконец опустил кисть. На белой бумаге появился иероглиф «судьба»*.

Рука не дрожала, линия была плавной и сильной.

Написав первый иероглиф, писать дальше стало намного легче. Тянь Яо заглянул в окно и, увидев, что он уже взялся за кисть, довольно усмехнулся и потрепал Пепла по голове.

Тянь Яо не торопил его с парными надписями. Нужно было, чтобы Юй Ян сначала расстался со своей болью в душе, как следует попрактиковался.

За едой Тянь Яо аккуратно сложил исписанные черновики и убрал их в сундук маленького папочки.

Двадцать третьего дня двенадцатого месяца* наступил Малый Новый год.

Юй Ян уже написал парные надписи для себя и для старосты. Для старосты он сделал особенные — по бокам красной бумаги он нарисовал бамбук, что символизирует «с каждым днём выше»*. Тянь Яо смотрел и так завидовал, что чуть не попросил у старосты поменяться.

Отдав надписи старосте, Тянь Яо, конечно, не забыл про Лю Чжи. Юй Ян и для него написал — только не с бамбуком, а с толстым младенцем, потому что в этом году в доме Лю Чжи ожидалось прибавление.

После того как Юй Ян написал, Тянь Яо побежал раздавать. Он был настолько активен, что даже под снегом носился с ветерком.

В посёлке мать Тянь Вэня и Тянь Лю, Ван Цуйхуа, видя, что сын так и сидит дома, пришла в ярость:

— Ты почему до сих пор не пошёл в деревню писать парные надписи? У нас в доме скоро шаром покати!

Тянь Вэнь сидел с книгой в руках и, раскачивая головой, читал:

— Мама, весной я буду сдавать экзамен. Если я получу степень сюэца, что же я пойду писать эти парные надписи ради каких-то медяков?

— Ты думаешь, эти «медяки» — мало? — Ван Цуйхуа была просто вне себя от гнева. Ради того, чтобы он мог учиться, она в зимнюю стужу стирала бельё для знатных господ, все руки обморозила. А ему стоит только пальцами пошевелить — написать несколько иероглифов, и он уже может заработать. Чего же ему ещё надо!

— Пусть подождут. А те, кому не жалко денег, пусть покупают в посёлке уже готовые, — сказал он так, но всё же собрал свои письменные принадлежности, нанял повозку с волом и поехал в деревню. Он открыл ларёк на ветру и стал ждать, когда придут деревенские.

Но он простоял на ветру у входа в деревню всё утро, и никто не пришёл. А раньше в это время его уже давно позвали бы в дом погреться.

Неужели все эти люди ушли покупать надписи в посёлок? С жиру что ли бесятся?

Он подошёл к ближайшему от входа в деревню дому — к семье Гэ. Увидел, что все Гэ сидят во дворе и разговаривают. Он не мог опуститься до того, чтобы зазывать покупателей, и по-прежнему держался высокомерно:

— Вы что, в этом году не будете вешать парные надписи? В этом году в посёлке они уже по пять монет за пару. Мы же соседи, я с вас возьму всего четыре.

Жена Гэ, увидев его, тоже была не в духе. Раньше, чтобы сэкономить несколько монет, они перед Тянь Вэнем на цыпочках ходили. А в этом году у них появился выбор получше, и они больше не хотят быть лохами.

Жена Гэ закатила глаза так, что чуть не вывернула их наизнанку:

— Ой, не надо. Мы в этом году купили парные надписи по три монеты за пару. Не стоит вам, туншэн Тянь, беспокоиться.

п/п:

«Деревья хуай» (槐, huái shù) — софора японская (*Styphnolobium japonicum*), листопадное дерево, распространённое в Китае. Её цветы, распускающиеся весной, обладают сильным сладковатым ароматом, их употребляют в пищу (в лепёшках, настойках и т.п.).

Иероглиф «судьба» (命, mìng) — в китайской культуре имеет широкий спектр значений: жизнь, судьба, предназначение, веление небес. Часто используется в философском контексте для обозначения предопределённости жизненного пути человека.

«Двадцать третьего дня двенадцатого месяца» (臘月二十三, Là yuè èrshísān) — в традиционном китайском календаре этот день отмечается как «Малый Новый год» (小年, xiǎo nián). С него начинается активная подготовка к Празднику весны (Чуньцзе, китайскому Новому году). В этот день принято провожать Бога кухни (灶神, Zào Shén) на небеса с докладом, а также проводить генеральную уборку.

«С каждым днём выше» (节节高, jié jié gāo) — благопожелание, основанное на игре слов: бамбук растёт быстро, и его ствол разделён на узлы (节, jié). То же слово 节 означает «доля, отрезок, этап». Фраза «бамбук добавляет узлы — с каждым днём выше» стала пожеланием постоянного роста и прогресса (карьерного, жизненного, в учёбе). Игра слов, по сути, означает: «пусть каждый день будет выше предыдущего».

<http://bllate.org/book/17624/1640709>